

не играли про сегодняшний день»..

НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «НМ» ОТВЕЧАЕТ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА-СТУДИИ «НА УЛИЦЕ РОЗ»

— Вам не кажется, что, помимо всего остального, мы переживаем еще и кризис театра?

— Безусловно. А объяснение достаточно простое: людям сейчас не до него. Может, я и не прав. Но, тем не менее, мне кажется, что в театр от плохой жизни не пойдешь. Для этого нужно определенное настроение.

— Опять — политика?

— Да... Ведь политика и театр в принципе несовместимы.

— Как вы помните, лет 5—6 назад в Москве появилось гигантское количество театров-студий. Сейчас очень многие считают, что это были первые симптомы распада.

— Тут сложно... С одной стороны, появление таких вот студий было связано с отмиранием прежних академических театров. Студии Вахтангова, Станиславского, например, — принципиально новые по сравнению с их предшественниками. Но потом эти студии становились теми же академическими театрами. Или хотя бы более близкий пример: «Современник» и Таганка тоже начинались как студии.

Очень многие театры, открывшиеся в начале 30-х годов в Москве, просто не имели права на существование. Ни материально, ни профессионально. Кстати, определение «гигантское количество», которое вы употребили... в действительности означает около двухсот театров-студий.

Это много в сравнении с нашим городом.

Мне очень жаль, что их так мало в Кишиневе. Мы, театр-лаборатория «Босх», да еще «Театр на Таганке».

— Запрещали?

— Да нет, дело в другом...

— Юрий Аркадьевич, ваш театр существует уже тринадцать лет. Его расцвет пришелся как раз на то время, когда обратное происходило с другими кишиневскими театрами...

— Мы играли, а не работали. Это сейчас наши актеры получают зарплату (очень скромную, кстати), но тогда все держалось совсем на другом. Мы не лгали зрителям. И выкладывались до конца. И потом, у нас не было традиционных театралыных интриг. Нам не мешала цензура...

— Неужели?

— Нет, конечно, пытались. Но ведь мы не были государственным театром, поэтому обладали относительной свободой. К тому же, цензоров было так много (Минкульт, горono, даже школьные учителя), что они просто мешали друг другу. Плюс их же собственная некомпетентность... Нам часто советовали убирать те или иные сцены из «Мастера». Или говорили, что с фамилией «Гершман» уж никак невозможно играть Ленина...

«Социальные заказы» мы тоже не выполняли. Другие театры только этим и занима-

лись (отдельный вопрос — почему?), а вот мы — нет.

— И каковы были эти самые «заказы»?

— Соответствующих предложений хватало. Но мы от них уклонялись любыми способами.

— Если я вас правильно понял, театр спасло то, что его просто не воспринимали всерьез?

— Может быть, и так. Но не только поэтому... Что касается репертуара, — мы и тут никогда не занимались конъюнктурой, мы никогда не играли «про сегодняшний день». А вот то, что шло в «больших» кишиневских театрах, было либо просто неинтересно, либо чистая конъюнктура. Ризанов, кажется, сказал: «Если нет зубной пасты — сразу же бегут делать про это фильм». Так вот, мы этим не занимались, и надеюсь, что «попадали в зрителья».

Репертуарная политика может помочь найти зрителя, и наоборот. Казалось бы, классика — сотни раз все театры ставили одно и то же... Когда мы репетировали Гоголя и Достоевского, думали: «Черт возьми, чем мы занимаемся, кто к нам пойдет? Ерунда все это». В результате — аншлаги. Мы никогда не боялись некассовых спектаклей — хотим ставить и ставим. А спектакль все равно получался потом кассовым.

— Юрий Аркадьевич, впервые я у вас смотрел «Мастера», скажем так, незадолго до «эпохи гласности». Подтекст ощущался. Это было сделано сознательно или все получилось само собой?

— Неосознанным ничего не бывает. Подтекст не может быть случайным — это то, ради чего все затевается. Все обговаривалось заранее. Другое дело, как получалось — удачно или нет.

— Вас недавно упрекнули в стремлении просто веселить публику...

— «А шейн мейдл», «Эшелон» — если это смешно, то я не знаю... Другое дело — «Голый король», допустим. Зрители весь спектакль хохотали. Но неужели этого можно добиться кривлянием и дешевыми трюками? Нет, на такой спектакль люди просто не пошли бы. А на «Голом короле» практически не было даже стоячих мест.

— Сколько зарабатывают ваши актеры?

— Они не только играют на сцене, но еще и заняты в различных цехах. От 200 до 300 рублей — это много разве?

— У вас есть спонсоры?

— Нет.

— А вам не кажется, что спонсорство в советских условиях оборачивается вариантом Таги-заде?

— Да, я с вами согласен. Поэтому мы не очень-то и ищем продюсеров. Вот недавно нас пыталась ангажировать одна очень солидная фирма: «Ребята, будет очень много денег, поедете на гас-

роли, куда захотите...» Впечатляет. Но, приняв предложение, мы бы просто перестали заниматься театром. Хотя, может быть, разбогатели бы.

— Но как вы надеетесь существовать дальше?

— Так существуем же. Надо играть, работать. Где-то что-то можно попросить — у министерства, у исполкома. Был бы спонсор — многие проблемы, конечно, отпали бы, но очень не хочется попадать в зависимость.

— Итак, сейчас вы не зависите ни от кого?

— Нет.

— Давайте все же поговорим немного о политике.

— Я ею не занимаюсь и не интересуюсь.

— Почему?

— Потому что я режиссер, а не депутат. В театре люди должны отдыхать от того, что творится за его стенами. Совсем другой мир. Если еще и в театре начнется... Когда Марк Захаров вдруг сжигает на экране партбилет, — это как-то, знаете... В театре может существовать лишь политика для искусства, и никак не больше. Ну, не для того театр.

— А что значит «политика для искусства»?

— Меня всегда интересовал человек, а не коллектив. Вот как я это понимаю.

— Один местный литератор недавно упрекнул вас в дилетантизме...

— Видите ли, театр — это синтез различных видов искусства. Музыка, пластика, литература, живопись, архитектура... Поэтому, если он намекал на изобразительный ряд, то да — у нас нет средств, чтобы оборудовать наш театр по последнему слову. Но он имел в виду совсем другое. Пусть его не устраивает наш репертуар или не нравятся актеры. Что ж — его дело, но тем не менее он не видел очень многих наших спектаклей. Точнее, видел только четыре.

Отвечать я ему не собираюсь — абсолютно не желаю браниться. Пусть его статья останется мнением зрителя. Единственное, что меня возмутило, — так это достаточно хамские эпитеты в адрес некоторых наших актеров.

— У вас есть любимые режиссеры?

— Марк Захаров.

— Несмотря на публичное сжигание партбилета?

— Да... Отчасти Гончаров, отчасти Ефремов, Васильев. Но он — самый любимый. Я вообще очень люблю Ленком.

— Юрий Аркадьевич, что держит в театре ваших актеров?

— Они — фанатики. Очень многие, если бы ушли отсюда, могли жить материально гораздо лучше. Тем более, что большинство — с законченным высшим. Но они сделали свой выбор.

— Это правда, что вы собираетесь эмигрировать?

— Нет, неправда.

Константин КИРОШКО.